

Денис Шевчук

**Методика изучения
иностранного языка
(ускоренное изучение)**

НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ЗАПСИБНЕФТЕГАЗ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ
ОБУЧЕНИЯ

МЕТОДИКА УСКОРЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Тюмень 1990

Рецензенты: М, Х. ГАВРИЛОВ, Ш. М. КАЦ. Одобрено на заседании ученого совета НПО Запсибнефтегаз.

В брошюре рассмотрен широко известный ассоциативно-функциональный метод запоминания, дан подробный обзор психологических механизмов развития и функционирования памяти, описана технология использования мнемотехнических приемов для изучения словарного запаса иностранного языка.

Издание второе. Переработанное и дополненное.
НПО Запсибнефтегаз, 1990.

Не надо читать эту методику в трамвае, в метро, на работе или в гостях. Придите домой, попросите, чтобы вас никто не отвлекал, настройтесь на внимательное, вдумчивое изучение. Хотя здесь изложены известные вам вещи, мы настойчиво просим вас понять простоту метода. Это не журнал «Крокодил», юмор которого можно не понять и потерять при этом не более 30 копеек. Если вы не увидите смысла на следующих страницах, вы потеряете 19 рублей. Не делайте бесполезных расходов!

В методике мы постарались не столько сообщить вам новую информацию, сколько попытались убедить вас действовать в соответствии с предлагаемым методом. Поэтому, когда вы встретите немного теории, не пропускайте ее как бы скучно вам не было. Это не приключенческий роман, а анализ опыта, накопленного не одним поколением зарубежных и советских психологов. Не отбрасывайте бездумно опыт прошлого.

Помните, что как бы не был оригинален метод, он не создает волевых усилий. При отсутствии устойчивого желания с вашей стороны все слова, написанные здесь, превратятся в пустое наставление. Мы достаточно много знаем о пользе утренней гимнастики, но это знание бесполезно, пока нет желания использовать его на благо своего здоровья. Бесполезными окажутся и эти знания, если вы, поторопившись, не настроитесь на упорный долгий труд. Лучше настраиваться полгода и в конце концов выучить язык, чем сесть за изучение методики завтра и забросить все через неделю.

Не открывайте методику, пока не почувствуете внутреннюю готовность. Если вы уже пытались самостоятельно изучать язык, вы поймете наши опасения.

Эта методика рассчитана на любой язык. Метод, который здесь излагается, лежит в основе подготовки спецслужбами своих агентов с целью активного расширения их памяти. Если у вас возникнет желание расширить свои знания в этой области, прочитайте статью «Большая память» в журнале «ЭКО», 1982, №№ 1—4.

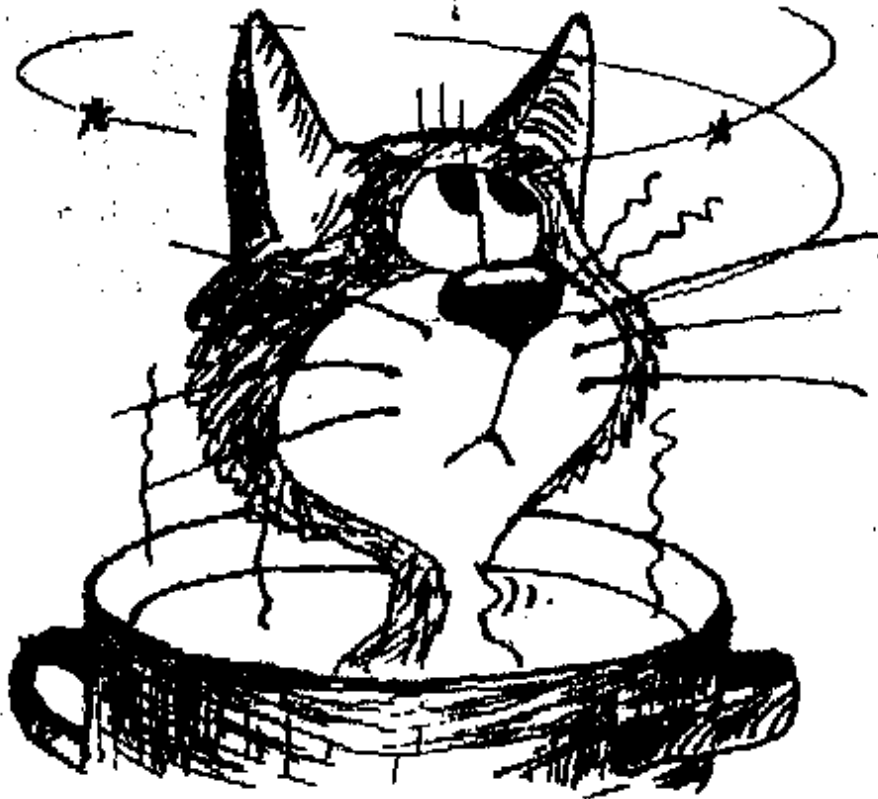
Желаем успешной учебы!

«Трудно найти черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет»

(Конфуций)

*«Нам показали зловонную камеру, где некоторое время томился знаменитый узник «Железная маска»... Эта камера **не заинтересовала бы нас так сильно, если бы мы знали** твердо, кем был «Железная маска», какова была его история и почему его подвергли такому необычному наказанию».*

(М. Твен, «Простаки за границей»)

К сожалению, авторы этой работы столкнулись именно с той ситуацией, которую описал наблюдательный Марк Твен: пока потенциальные полиглоты не знают о методике ничего кроме ее предназначения, они проявляют к ней недюжий интерес и демонстрируют готовность завтра же начать штурм иностранного языка. Но как только в нашем рассказе начинается изложение сути самого главного принципа, таинственность моментально испаряется, и они разочарованно заявляют, что давно и без нас знают такой способ запоминания слов (такое заявление делают 90 желающих научиться из 100 выучивших язык по этой методике). Поэтому на первой же встрече мы всегда подчеркиваем и обводим в рамочку, что **успех изучения языка зависит не от новизны принципа, а от умения правильно его использовать.**

Чтобы выучить язык, надо знать не только принцип, но и подробную ТЕХНОЛОГИЮ его применения.

Изложение самого принципа займет несколько строчек. Вся остальная часть работы посвящена описанию технологии.

На наш взгляд, если бы советская педагогическая наука уделяла больше внимания не скрупулезному поиску в трудах классиков марксизма-ленинизма доказательств истинности своих методов, а занималась тщательной разработкой технологий, то все остальные методы изучения иностранных языков (обучение во сне, сублимационные способы запоминания, ритмическое заучивание и т. д.) были бы если не лучше, то, по крайней мере, также эффективны как и наш метод. Этим мы хотим подчеркнуть, что метод, на который вы решились затратить патологически неконвертируемую валюту, не лежит в стороне от психологической науки. Он отличается лишь более отработанной технологией.

Если вы по-прежнему надеетесь найти в этой методике что-то сверхнеобычное, прочитайте название и первую главу еще раз.

Глава II.

Все лучшее — у детей!

«Я русский бы выучил...» (В. Маяковский)

Очевидно, желание Владимира Владимировича не осуществимо по той причине, что он уже знает этот язык. Но родной язык мешает нам и в том случае, если мы хотим выучить другой, иностранный. А мешает он только потому, что мы неправильно его используем. Мы с вами все страшные логики и рационалисты. Нас пугает утверждение, которое ниоткуда не вытекает и из которого ничего не следует. Поэтому одной из оценок, которую предлагаемый метод получает из уст слишком «взрослых» и серьезных людей, являются слова «детский, глупый». Но именно в этих словах авторы и склонны видеть золотой ключик к успеху.

Вопрос о том, почему дети хорошо запоминают как родной, так и иностранные языки до сих пор не решен единогласно. Единственное, что объединяет психологов,— это признание внелогического мышления детей. Только в 3-летнем возрасте мы можем сказать, что «солнышко прячется за тучку, потому что сильно устало». В школе за подобное утверждение нам, пожалуй, поставят два балла. В институте, мы, используя набор подобных фраз применительно к социальной и политической жизни нашего общества, сойдем за отсталого, а на предприятии или в учреждении — за неблагонадежного. Мы начинаем мыслить штампами, избитыми фразами и стереотипами. Из нас целенаправленно изгоняют «злой дух» нелогического мышления. И вот после всего этого мы пробуем изучать иностранный язык и поражаемся, почему наша захламленная голова работает хуже, чем в детстве.

Представьте себе 2-летнего ребенка, которому «надо запомнить» впервые услышанное слово родного языка, например, «карандаш» и аналогичное слово из квази-иностранного языка, допустим, «абдрапапуа» (в действительности это слово придумано ЭВМ). Для ребенка совершенно все равно, какое из них запомнить. Он готов запечатлеть в своей памяти даже сразу оба слова, так как запоминание происходит в результате образования условной связи между этими новыми словами и старыми, которые ребенок уже усвоил: карандаш — бумага, карандаш — стол и т. д., абдрапапуа — бумага, абдрапапуа — стол т. п. Эти две связи конкурируют, так как имеют одинаковый возраст, а следовательно, и силу; они не стирают друг друга. При этом отсутствует рациональное объяснение этих связей. Ребенок не стремится образовать логическую цепочку между старым и новым, он просто ставит их рядом.

Теперь вернемся из детства и попробуем запомнить список иностранных слов. Это мы делаем обычно двумя способами. Либо через рациональную, либо через механическую связь. При первом способе мы начинаем сознательно или неосознанно объяснять себе, что «абдрапапуа — это то, чем рисуют на бумаге», пытаюсь таким способом образовать рациональную связь «абдрапапуа — бумага». Но чем заканчиваются такие попытки в большинстве случаев? Если мы не обладаем уникальной природной памятью, то происходит самое

обычное забывание. При этом мы работаем с КПД паровоза — 20%! Дело в том, что связь «абдрапапуа — бумага», которую мы пытаемся образовать, легко вытесняется старой, а значит, и более сильной связью в родном языке «карандаш — бумага». Вот такую услугу нам оказывает наше «взрослое, серьезное» логическое мышление. Если же мы пытаемся механически заучить перевод, то есть насильно заставить свою память образовать связь «абдрапапуа — карандаш» (учим по списку как в школе), то из-за ограниченного объема нашей кратковременной памяти, которая может хранить от 2 до 26 единиц информации, происходит ее быстрое насыщение, что ведет к прекращению процесса запоминания, утомлению и отвращению к иностранному языку. Кроме этого вытесняющее действие по-прежнему оказывают старые связи. Таким образом, классические способы запоминания скорее приведут к появлению негативного отношения к языкам, чем к овладению ими.

Теперь после детального описания двух тупиковых ситуаций наша задача беспредельно упрощается. Нам остается только найти в запутанном лабиринте всевозможных способов запоминания **метод, который бы отличался отсутствием привычной логики.**

Но поскольку главная задача авторов убедить проницательных читателей не в новизне метода, а в необходимости неукоснительного соблюдения определенных правил, то на долгом пути к основному принципу запоминания они ставят еще одно препятствие — главу о памяти.

ГЛАВА III.

Память.

«Труднее всего поверить в очевидное»

(наскальная надпись)

«Скажите человеку, что на небе 5374893218835402312 звезды, и он поверит. Но скажите ему, что эта скамейка покрашена, он обязательно потрогает ее пальцем»

(из наблюдений психиатра)

Мы бы с удовольствием опустили эту главу. Однако, все так устали от голословных утверждений о превосходных качествах того или иного явления нашей жизни, что теперь на каждый фунт очевидного факта мы непременно требуем жирный довесок из «объективной» теории. Именно поэтому, боясь показаться любителям иностранных языков бездоказательными, мы приводим теоретические и эмпирические данные, выявленные советскими и зарубежными психологами в области памяти.

В свое время когнитивная психология разделила человеческую память на три блока: сенсорный регистр, кратковременную и долговременную память.

Основная функция сенсорного регистра — продлить время действия кратковременного сигнала для его успешной обработки мозгом. Например, укол пальца иглой сохраняется гораздо дольше, чем непосредственное воздействие иглы. Сенсорный регистр способен запоминать очень большие объемы информации, значительно больше, чем человек может проанализировать, то есть этот вид памяти не обладает избирательностью. Поэтому большого интереса для нас он не представляет.

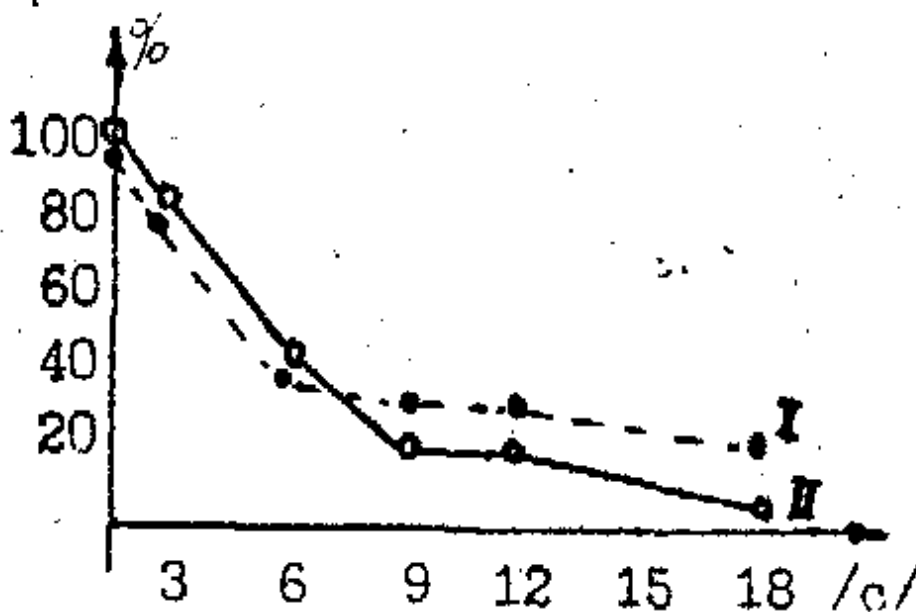
Для нас гораздо важнее следующий блок — кратковременная память. Именно она принимает на себя те удары, которым ученики и студенты подвергаются на занятиях иностранного языка. Именно ее насилует человек, пытаясь механически запомнить огромные объемы информации.

В 1954 году Ллойд и Маргарет Петерсоны провели очень простой эксперимент, который, однако, дал удивительные результаты. Они просили испытуемых запомнить всего 3 буквы, а спустя 18 секунд воспроизвести их. Этот эксперимент кажется совершенное незначительным.

А между тем оказалось, что испытуемые не смогли запомнить эти 3 буквы

В чем дело? Все очень просто: в течение этих 18 секунд испытуемые занимались умственной работой: они должны были в быстром темпе вести «обратный счет тройками». При «обратном счете тройками» испытуемый начинает с произвольно названного трехзначного числа, например 487. Затем он должен вслух назвать

числа, получающиеся при вычитании 3 из предыдущего числа, 487, 484, 481, 478 и т. д. Но даже такая, в общем-то, несложная работа помешала им запомнить три буквы. Этот простой эксперимент иллюстрирует главное свойство кратковременной памяти: она имеет очень малую емкость (от 2 до 26 единиц, по данным других экспериментов) и очень короткую жизнь (от 20 до 30 секунд). Но в то же время она мало чувствительна к длине единицы. Мы с одинаковой легкостью можем запоминать 7 букв или 7 слов или даже 7 словосочетаний.

Посмотрите на график. На нем показана скорость забывания материала испытуемыми. Кривая II представляет результаты только что описанного эксперимента. По оси абсцисс отложено время между моментом предъявления этих трех букв и их воспроизведением. (Следует помнить, что в течение всего этого отрезка времени испытуемые занимались «обратным счетом тройками»). По оси ординат отложены проценты случаев, когда испытуемые могли припомнить материал по истечении различного времени. Например, если между предъявлением трех согласных и их воспроизведением проходило всего 6 секунд, только 40% испытуемых могли припомнить все три согласные. Если испытуемых просили запоминать не буквы, а слова, то они давали кривую I. Как видите, она ненамного отличается от кривой II.

Описанные эксперименты приводят нас к мысли, что:

1. Количество информации, запоминаемой за один раз, должно быть строго ограничено. Даже небольшое ее увеличение приводит к частичному или полному забыванию.

2. После процесса усвоения информации обязательно должна быть пауза, в течение которой необходимо максимально разгрузить мозг от умственной работы.

3. Необходимо как можно длиннее делать единицу информации; пословное запоминание — это неэкономное использование нашей памяти.

Существует не менее десятка теорий, которые объясняют положительное влияние паузы на запоминание информации. Наиболее удачное, на наш взгляд, обоснование Мюллера и Пильцекера (1900 год) заключается в том, что во время паузы происходит неосознанное повторение материала. Если период повторения больше 20—30 секунд, то есть информации слишком много, то через некоторое время часть ее стирается. Именно наличие такого процесса как неосознанное повторение значительно увеличивает время жизни информации в кратковременной памяти (до 24—30 часов). Именно этот процесс и мешает осознать чрезвычайно маленькую мощность этого вида памяти, в результате чего мы безжалостно нагружаем ее сверх меры.

Запомните! Неосознанное повторение возникает только в том случае, если мозг не нагружается больше никакой информацией.

Этот процесс нарушается даже в том случае, если вы продолжаете повторять только что выученные слова с якобы благородной целью еще сильнее укрепить их в своей памяти. Никакого дальнейшего закрепления не происходит, так как вы не способны при всем вашем желании осознанно повторять в течение некоторого времени 10—15 слов за 20 секунд — время существования кратковременной памяти. Своим повторением вы прерываете естественный цикл запоминания. Чем больше вы повторяете, тем больше усилий вынуждены будете прикладывать для запоминания.

Возникает вполне закономерный вопрос, каковы границы паузы, в течение которой нежелательно восприятие какой-либо информации с

последующей ее переработкой. При этом, мы повторяем, нежелательно воспринимать даже выученные слова!

В 1913 году Пьерон ответил на этот вопрос. Он предлагал испытуемым заучивать ряд из 18 бессмысленных слогов (чтобы исключить влияние пошлого опыта). Затем он исследовал, сколько раз испытуемые должны были повторять тот же ряд через различные промежутки времени с тем, чтобы восстановить в своей кратковременной памяти забытые слоги. Приведем его данные в следующей таблице:

	Длительность паузы							
	30 с	1 мин	2 мин	5 мин	10 мин	20 мин	24 ч	48 ч
Количество повторений, необходимых для повторного заучивания слов	14	8	7	5	4	4	4	8

Как видим, если начать повторять ряд слогов через 30 секунд после первого запоминания, то приходится 14 раз! обращаться к его содержанию, прежде чем он вновь запомнится. Но если повторения возобновить лишь спустя 10 минут, в течение которых мы не будем получать какой-либо информации, то их число составит всего 4 (следует учесть, что эти цифры относятся к бессмысленному материалу; при заучивании слов, имеющих значение, абсолютное число их повторений меньше, но пропорции примерно сохраняются).

В отрезке времени от 10 минут до 24 часов процессы стабилизируются и информация в кратковременной памяти перестает зависеть от внешних факторов. Следовательно, в этот период возможно как получение новой информации, так и повторение старой. Через 24 часа число необходимых повторений начинает возрастать и достигает 8 через 48 часов. Это значит, что мнемические

процессы начинают терять свою энергию. Поэтому через каждые 24 часа необходимо повторение ранее выученных слов (что, впрочем, известно и без опытов).

Сделаем краткие выводы:

1. После запоминания очередной порции слов необходимо сделать паузу не менее 10 минут, в течение которой ваши мысли не будут отвлечены серьезной умственной работой.

2. Спустя 10 минут слова **можно** повторять снова, а спустя 24 часа слова **необходимо** повторить обязательно. В противном случае вам придется приложить в два раза больше усилий, чтобы запомнить их вновь.

Мы, конечно, понимаем, что все написанное здесь и далее известно большинству читателей. Но к нашему огромному сожалению, подобные знания нисколько не мешают преподавателям иностранных языков школ и вузов. Они действуют по принципу, к которому обязывает наша система обучения:

пусть плохо, но по программе. В результате мы выходим из учебных заведений «запрограммированными» до кончиков волос и, если иностранные языки еще не вызывают у нас нервных припадков, мы начинаем их учить самостоятельно теми же методами, которые переняли от старших «товарищей»,

Поэтому у нас большая просьба; обязательно дочитайте эту главу до конца, чтобы в дальнейшем наша технология не показалась вам абсурдом.

Опыты Пьерона показывают, сколько времени мы должны отдыхать, то есть с какой периодичностью повторять слова. Но они абсолютно ничего не говорят нам, сколько должно быть таких повторений, которые бы позволили нам перевести слова из кратковременной в долговременную память. Опыты Йоста в 1987 году показывают, что при механическом заучивании количество таких повторений достигает 20—30 раз. В нашем случае количество повторений, распределенных особым образом, для среднего человека составляет 4 раза.

Теперь давайте разберем еще один феномен кратковременной памяти, прекрасно понимаемый и знаемый всеми, но тем не менее игнорируемый большинством с азиатским упорством.

Все отлично знают, что чем больше элементы запоминаемого материала похожи друг на друга, тем больше усилий надо приложить для их запоминания, чем однороднее элементы, тем труднее они усваиваются. Так почему же мы все поголовно составляем списки слов, пусть разных по значению, но однородных по форме, и учим, учим!! Что вам приходит в голову в первую очередь, когда вы вспоминаете перевод какого-нибудь слова, записанного в списке? Естественно, месторасположение этого слова на листе бумаги. Не надо этим гордиться, это нисколько не говорит о положительных особенностях вашей памяти. Просто у нее нет возможности «зацепиться» за что-либо более существенное, более характерное для данного слова. Список слов слишком однороден. Отсюда следует глобальный, как и все предыдущее, вывод:

Каждое слово обязательно должно иметь яркую отличительную совокупность меток.

Надо лишить однообразия все слова списка и тогда они начнут запоминаться произвольно, без нашего участия. Как добиться этого? Мы не утверждаем, что смогли достичь в нашем методе идеала, но приблизиться к этому требованию нам, пожалуй, удалось.

Теперь перейдем к долговременной памяти. Несмотря на то, что явление памяти изучается во всех советских и буржуазных направлениях психологии (психология деятельности, когнитивная психология, бихевиоризм, гештальттеория и т. д. и т. п.), пока не предложено правдоподобного объяснения переходу информации из кратковременной памяти в долговременную. Еще хуже дела с познанием этого механизма обстоят в среде любителей иностранных языков, так как большая часть из них знакомы только с одним из факторов такого перехода — с периодическим неустанным повторением. Хотя мы уверены, что вы лично не принадлежите к этому большинству, мы, тем не менее, рискнем еще немного задержать ваше внимание на некоторых феноменах долговременной памяти.

1. В 1973 году Стэндинг опубликовал результаты своих, в общем-то, несложных опытов. Испытуемым показывали 11000 слайдов, через месяц предъявляли их смешанными с другими и просили опознать. Испытуемые вспомнили слайды и дали верные ответы в 73% случаев!

Это говорит о том, что изображения слайдов с первого предъявления проникли в долговременную память. Следовательно, **при запоминании слов надо использовать не только повторение, но и яркие красочные интересные сюжетные картинки**, которые лучше всего вырезать из журнала «Крокодил». (Мы опять же понимаем, что такой вывод не является ни для кого открытием. Но если мы встретили хотя бы одного человека, который сознательно использовал этот принцип при изучении языка, мы не рискнули бы писать о нем в методике. Но если все же такой человек найдется, авторы согласны бесплатно выслать ему, помимо первого оплаченного, еще 3 экземпляра методики).

2. Наверное, все мы, любители языков, неустанно ищем такой метод, при котором слова запоминались бы сами собой. Один из авторов, в свое время испытывая огромное влияние такой иллюзорной мечты, развесил у себя в кабинете около 10 листов бумаги с крупно написанными словами в надежде, что они постоянно будут попадать в поле зрения и (ведь долбит же капля камень) непроизвольно запоминаться. Хотя идея оказалась безнадежно неперспективной, естественное желание облегчить себе жизнь при изучении языка осталось. Итак, нельзя ли придать процессу запоминания долю непроизвольности и, следовательно, облегчить и ускорить его? Попробуйте вспомнить, если у вас есть опыт самостоятельного изучения языка, случаи, когда некоторые слова запоминались без всякого усилия с вашей стороны. Проводили ли вы анализ этих ситуаций? Ведь если бы удалось выделить нечто общее присущее им, мы могли бы очень эффективно управлять процессами запоминания, или, по крайней мере, не совершать ошибок, подобных описанной выше.

Непроизвольное запоминание означает, что существует некая сила, которая заставляет наш мозг работать независимо от нашего желания. Что порождает эту силу? Можно ли создать ее искусственно? Ответ на эти вопросы нашли советские психологи Смирнов А. А. и Зинченко П. И.

В 1945 году Смирнов провел очень простое исследование. Он попросил нескольких испытуемых через 2 часа после начала

рабочего дня припомнить свой путь от дома до работы. Приведем в качестве примера одно такое описание.

«Помню прежде всего момент выхода из метро. Что именно? Как думал о том, что надо выйти из вагона так, чтобы занять скорее нужную позицию и идти скорее, так как запаздывал. Ехал, помню, в последнем вагоне. Поэтому никуда выскочить не удалось. Пришлось войти в толпу. Раньше публика, выходя, шла по всей ширине перрона. Сейчас для обеспечения прохода входящих были поставлены люди, поворачивавшие публику от края перрона. Дальнейший путь выпадает. Абсолютно ничего не помню. Есть только смутное воспоминание от старого. Шел до ворот университета. Ничего не заметил. О чем думал, не помню. Когда вошел в ворота, заметил: кто-то спешит. кто именно: мужчина или женщина, не помню. Больше ничего не помню».

Что характерно для этого рассказа и подобных ему?

Прежде всего воспоминания испытуемого в значительно большей степени относятся к тому, что он делал, нежели к тому, что думал. Даже в тех случаях, когда мысли вспоминаются, они связаны все же с действиями испытуемого. Но испытуемые совершают много действий. С какими же из них связано произвольное запоминание? С теми, которые способствуют или препятствуют достижению стоящей перед испытуемым цели. В 1945 году у всех была одна самая важная цель — вовремя прийти на работу, поэтому произвольно запоминалось только то, что влияло на скорость продвижения по улице.

Казалось бы, этот чрезвычайно простой вывод должен сам по себе ложиться в основу изучения иностранного языка! Но этого не происходит. Какую цель на занятиях перед нами ставил преподаватель? Запомнить слово. Но это цель! Как же слово в таком случае будет произвольно запоминаться, если само запоминание и является целью?! Чем больше мы сосредотачиваем свои усилия на запоминании слов, тем меньше произвольности, больше волевых усилий, больше насилия над нашей памятью мы совершаем.

Запоминание слов не должно быть целью в изучении иностранного языка

Запоминание должно быть только действием, ведущим к достижению какой-либо цели.

Возникают сразу два вопроса. 1. Какова должна быть эта цель? 2. С чем должны проводиться действия?

На первый вопрос мы ответим в главе о технологии запоминания. На второй вопрос дали ответ опыты советского психолога Зинченко П. И. В его экспериментах, отличающихся как и все другие кажущейся простотой, испытуемых разбили на две группы. Первой из них дали картинки с изображением различных предметов и попросили провести классификацию по первым буквам их названий (например, собрать все вместе картинки на букву А, потом Б и т. д.). Вторая группа получила те же самые картинки, но проклассифицировала их по значению изображенных предметов (например, собрала вместе сначала картинки с мебелью, потом с животными и т. д.). После эксперимента обе группы должны были вспомнить картинки, с которыми они работали. Как вы уже догадались, вторая группа продемонстрировала более высокие результаты. Это произошло потому, что в первом случае значение картинки, несмотря на то, что оно понималось и пропускалось испытуемыми через сознание (ведь они должны были выделить первую букву), не было включено **непосредственно** в цель — в классификацию. Во втором случае испытуемые также четко осознавали и звуковой состав названия и значение картинки, но в цель **непосредственно** было включено только значение. Это приводит нас к мысли, что **в цель должны непосредственно включаться и значение слова и его звучание.**

Чтобы достичь цели, которую мы сформулируем чуть позже, нужно обязательно манипулировать и значением и произношением. Это приведет к тому, что иностранное слово будет запоминаться с большой долей произвольности.

К сожалению, в школе и вузе этот принцип нарушается как правила уличного движения — всеми и повсеместно. Изучение языка превращается в мучительную целенаправленную зубрежку.

3. Всем, кто сталкивался с психологией, знакомо понятие установки (не надо путать с партийными установками). Под этим термином понимается готовность человека действовать вполне определенным образом. Например, у десятиклассников появляется установка на продолжение учебы или установка на работу; у вас есть очень сильная установка на иностранный язык и т. д. Установки

облегчают нам жизнь. Благодаря им большую часть действий мы совершаем автоматически и не тратим времени на размышления. Например, утром мы приняли решение умыться: включается соответствующая установка, выработанная в течение нашей жизни, и все действия начинают выполняться автоматически (мы их мало осознаем). Как только умывание закончено, установка выключается и вы принимаете новое решение — позавтракать. Включается другая установка и действия вновь выполняются автоматически (при условии, что в холодильнике есть все необходимое для свершения этого акта).

Если бы у вас была установка на утреннюю гимнастику, то последняя не вызвала бы у вас мрачного настроения еще с вечера, а выполнялась бы автоматически, как умывание.

Как создаются установки? К сожалению, ответ на этот вопрос, как и мыло в магазине,— неизвестно когда появится. Поэтому подробных объяснений, несмотря на толстые фолианты, написанные психологами, мы дать не можем. Но чтобы как-то смягчить создавшуюся ситуацию, опишем эксперимент, который позволит нам осознать очень полезное для изучения иностранного языка явление.

Испытуемых, как и в предыдущем опыте, разбили на две группы. Им прочитали один и тот же текст, но в первой группе сказали, что проверят его знание на следующий день, а другой группе сказали, что сделают то же самое через неделю. На самом деле проверку знания текста провели только через две недели в обеих группах. Испытуемые второй группы показали более высокие результаты. В этом опыте мы можем отчетливо увидеть действие и влияние установки, созданной у испытуемых экспериментальной ситуацией.

Следовательно, садясь за изучение очередной порции слов, постарайтесь убедить себя и искреннее поверить, что **язык вы учите, чтобы помнить всю жизнь**

Команда «Я запоминаю эти слова надолго», отданная себе перед началом занятий, может показаться несущественной даже после описания эксперимента с установкой. Мы вполне допускаем это и не настаиваем на том, что она обеспечит вам 100% успеха. Но нам хотелось бы напомнить вам, что раньше функцию настройки на какое-либо занятие (в том числе и на школьные уроки) выполняла молитва.

Воины молились перед боем вовсе не потому, что их обязывала к этому господствующая идеология. Молитва настраивала их на подвиг. «Отче наш», прочитанная перед обедом или уроком, успокаивала, отодвигала все заботы, способствовала лучшему усвоению пищи и знаний. Читать такую настраивающую «молитву» перед изучением десятка-другого слов, может быть, и не следовало бы. Но когда речь идет о тысячах, то мелочь превращается в существенный фактор. Если создание соответствующей установки позволит вам на каждые десять слов запоминать хотя бы еще одно, то на каждой тысяче вы получите «прибыль» в 100 слов. Не надо упускать выгоду.

4. Нам предстоит ознакомиться еще с одним, довольно известным фактом, и тогда уже больше ничто не будет препятствовать нам узнать, каким образом и в каком методе можно одновременно учесть все вышеприведенные требования и наблюдения.

Этот последний факт заключается в том, что наш мозг не способен воспринимать статику. Попробуйте внимательно смотреть на какой-нибудь объект, не двигая глаз и головы. Эта простая задача станет невыполнимой спустя 2—3 минуты — объект начнет «растворяться», уйдет из поля вашего зрения, вы перестанете его видеть. То же самое произойдет с однообразным звуком (например шум леса, шум машин и т. д.). Но если мы не можем воспринимать нединамичные явления, то что же говорить о нашей памяти, которая связана с внешним миром через восприятие и ощущения! Из нашей памяти моментально стирается все, что не способно совершать движение или не связано с движением ассоциативно. Для доказательства данного факта у нас, конечно же, есть в запасе результаты очень несложного эксперимента. Испытуемым на киноэкране показывали лиц другой национальности, снятых анфас (как известно, без соответствующей привычки представители другой нации сначала кажутся все на одно лицо). Если изображение было динамичным, то есть человек улыбался, хмурился, двигал глазами, шмыгал носом и т. д., то впоследствии его фотография легко узнавалась испытуемыми среди других. Если же лицо человека было неподвижным, то количество верных ответов резко падало. Это говорит о том, что статичный, неподвижный образ очень быстро «выветривается» из памяти. Из этого мы делаем последнее, но не менее важное, чем все

предыдущие, заключение: **все образы, используемые для запоминания иностранных слов, должны быть динамичными!**

Во всем должно присутствовать движение.

На этом мы заканчиваем главу об особенностях нашей памяти. Мы вполне сознаем, что модель памяти, состоящая из трех описанных систем, не является лучшей и единственно возможной (мы могли бы отталкиваться от модели уровней, от знаковой теории памяти Л. С. Выготского и др.), но по сравнению с другими она является наиболее разработанной и «технологичной».

Теперь мы бы хотели выразить всем благодарность за долготерпение (конечно, если вы читаете эти строки) и перейти к изложению технологии изучения иностранного языка, которая позволит вам учить по 20—30 (а при большом желании и гораздо больше) слов в час. Правда, это не означает, что за сутки вы выучите 480—600 слов. Если вы помните, большую роль при изучении языка играют перерывы. Поэтому в течение дня целесообразно учить (конечно, при наличии большого свободного времени) не более 100 слов. Кроме этого мы не рекомендуем сразу же резко переключаться на этот метод. Сначала попробуйте учить язык привычным для вас методом, частично используя наш как вспомогательный при запоминании особо трудных слов. Такой плавный переход позволит вам лучше осознать достоинства и недостатки метода, более успешно адаптировать технологию для себя.

Глава IV

В этой главе мы опишем структуру технологии ускоренного изучения слов. Но она покажется вам неубедительной, если вы не прочитали предыдущую главу.

Прежде чем мы постараемся собрать все описанные выше требования и наблюдения в одном методе, вспомним их.

1. Успех в изучении языков зависит не от знания «особого» метода, а от умения воспользоваться технологией, разработанной на его основе.

2. Не надо мучить свою память, не учите язык механически.

3. Наша память способна «в один присест» принимать от 2 до 26 единиц информации.

4. При изучении языка не следует опираться на привычку, на общепринятую логику, на стандартное восприятие мира.

5. Кратковременная память существует не более 30 секунд.

6. Информация сохраняется в кратковременной памяти значительно дольше 30 секунд благодаря неосознаваемой нами циркуляции.

7. После изучения порции слов необходим 10-минутный перерыв.

8. Учить слова надо только до первого воспроизведения (когда сможете хотя бы один раз повторить весь список). Не тратьте время на лишнее повторение.

9. Повторять слова надо один раз в промежутке от 10 минут до 24—30 часов.

10. Единица запоминаемой информации должна быть как можно длиннее (блок слов или словосочетание). Тех, кто учит или заставляет учить одиночные слова, надо наказывать за растрату времени и памяти в особо крупных размерах.

11. Чтобы лишить список слов однообразия, необходимо придать каждому слову какую-либо яркую метку.

12. Слово передается в долговременную память не столько через повторение, сколько с помощью сюжетных картинок. » 13. Мы легко делаем то, что совершается произвольно, помимо нашего участия. Слова будут запоминаться произвольно, если запоминание не будет целью нашей деятельности. Мысленные операции со значением и произношением слова должны непосредственно включаться в цель.

14. Перед запоминанием необходимо настроиться на занятие. Наша психика обладает инерцией. Она не может в одно мгновение перестроиться от приготовления котлет к изучению языка.

15. Запоминаемая информация должна содержать динамичные элементы или ассоциироваться с ними. В противном случае она стирается без следа.

Теперь, когда у нас все перед глазами, мы можем сосредоточенно подумать над пунктом № 13: «Запоминание не должно быть целью». В некоторых методах это требование выполняется. Например, в ритмическом методе главная цель не запомнить слово, а повторять

его в определенном ритме под мелодию (вспомните, особенно те, кто увлекается зарубежными ансамблями, как легко запоминаются слова песен при полном их непонимании). В сублимационном методе, в котором на человека оказывают воздействие с надпороговой скоростью восприятия, цель заключается также не в запоминании, а в умении сосредоточиться на воспроизведении и т. д. (все эти и другие методы можно найти в специальной литературе). Но эти методы невыгодно отличаются сложностью аппаратуры и технологии, которые нельзя пока самостоятельно использовать у себя дома. (Мы надеемся, что в скором будущем наша академическая наука и практика обратят наконец-то на них серьезное внимание).

Запоминание как цель отсутствует и в методе, основанном на имитации какой-либо деятельности. Например, перед учениками ставится задача накрыть на стол и дается словарь необходимых слов. Соответствующая интенция, возникающая под воздействием цели, позволяет очень эффективно запоминать слова. Но этот метод требует высокого педагогического мастерства учителя, его богатой фантазии. Кроме этого метод не имеет жесткой структуры.

Мы предлагаем в качестве цели мысленное манипулирование словами: подобрать к иностранному слову сходное по звучанию русское. Например: *sleeve* (рукав, англ.)—слива, *Zunge* (язык, нем.)—цунами и т.д. Но в этом случае мы оперируем только со звучанием слова, а в цель должно непосредственно включаться и его значение, перевод. Чтобы выполнить и это требование, давайте к образованной паре слов припишем еще перевод:

sleeve — слива — рукав
Zunge — цунами — язык

и подумаем, как теперь нам сформулировать цель, чтобы она не совпадала с запоминанием слов. Помните эксперимент, который доказывает, что образ (картинка) размещается в большинстве случаев в долговременной памяти? Значит надо работать с образами. Но образы у нас имеют только слова родного языка. Значение иностранного слова получает образ только через его аналог в русском (или вашем родном) языке. Это и приводит нас к мысли, что при запоминании нужно использовать только слова родного языка, то

есть, слива—рукав, цунами—язык. В качестве цели выберем решение задачи по нахождению возможного отношения между словами в каждой паре. Но прежде чем решать эту задачу, вспомним еще два требования: отсутствие общепринятой логики (№ 4) и наличие динамики в элементах информации (№ 15). Это говорит о том, что отношения между словами пары должны быть необычными, нелогичными, во-первых, и динамичными, т. е. содержать движение, во-вторых. В нашем случае это очень просто сделать. Представляем, как в магазине продавщица, взвесив сливы, перекладывает их в пустой рукав. Обратите внимание на слово «представляем». Отношение нужно не просто проговаривать (на более поздних этапах проговаривание вообще становится излишним), а именно представлять, так как это позволяет миновать кратковременную ненадежную память и работать сразу же в долговременной.

Проговаривание, по некоторым экспериментальным данным когнитивной психологии, связано в первую очередь с кратковременной памятью, поэтому его мы используем только на начальных этапах, если образное мышление развито недостаточно.

Кроме этого обратите еще раз внимание на динамику: продавщица взвешивает и насыпает. Необходимо представить как сливы скатываются в рукав, как вы берете его из рук продавщицы и т. д. Большой ошибкой была бы попытка ограничиться представлением слив, неподвижно лежащих в руке. При образовании нескольких тысяч подобных нединамичных структур наша статичная исчезнет как дым.

Создание структур одновременно отвечает требованию № 11. Необычное отношение между словами является очень яркой эмоционально окрашенной меткой. Каждое слово в списке становится индивидуальным, отличным от других.

Хотя динамичная структура хранится в памяти практически неограниченное время, нам она требуется как молоток при забивании гвоздя для картины. Мы забивали гвоздь в стену (запомнили ассоциацию двух слов) и отложили молоток в сторону. Теперь сделаем то, ради чего мы совершили всю эту работу (в дальнейшем ассоциирование по мере развития навыков будет занимать у вас не более 3—5 секунд). Мы пытались запомнить слово sleeve. Благодаря

сходному звучанию мы быстро переходим от этого слова к русскому «слива». Эта связь хранится в кратковременной памяти, именно она и составляет самое слабое звено в цепочке. Количество именно этих связей как единиц информации и не должно превышать 26 единиц в «порции» слов (количество же структур может быть неограниченным; это несоответствие в дальнейшем учитывается в технологии). Слово «слива» благодаря жесткости придуманной структуры приведет нас к переводу — «рукаву». Таким образом, основные наши усилия сосредоточены не на запоминании слов, а на создании структуры. Вы сами сможете убедиться как эффективно в нашем случае начинает работать произвольное запоминание.

Как показали занятия, проводимые с изучающими иностранный язык, все подобные операции вызывают на первых этапах затруднения, усугубленные кажущейся надуманностью, «несерьезностью» и т. д. Многие в процессе ассоциирования начинают испытывать дискомфорт от того, что окружающие внимательно слушают их «глупости». В действительности, умение быстро сочинить такую «глупость» говорит о вашем нестандартном, творческом уме. Этот метод хорош хотя бы тем, что даже если вам не удастся выучить с его помощью язык (что мало вероятно), у вас значительно улучшится творческое мышление. Вы начнете видеть вещи в новом для вас свете. Многие испытуемые становятся язвительными и ехидными, поскольку вдруг обнаруживают неоднозначность нашей речи. Этот метод особенно полезен для изобретателей и ученых (а также снабженцев) как упражнение на гибкость мышления.

Ассоциирование — это творческий процесс. Именно поэтому мы очень настаивали на предварительной настройке. К сожалению, большинство понимает настройку, как формирование приказа (недаром М. М. Жванецкий сказал, что «и жизнь наша тоже солдатская»). Начинать, в действительности, лучше с фраз такой формы:

«я очень хочу выучить язык. Я буду стараться. Я очень буду стараться. Я хочу запомнить слова. Мое мышление очень гибкое...» и т.д.

А такие фразы-приказы, как «Я должен выучить язык» и др. лучше не применять. Вся наша психика уже измучена требованиями и

приказами. Она сразу же создает неосознаваемое нами противодействие. Особенно это необходимо помнить, если вы настраиваете студентов или школьников, у которых и без ваших наставлений давно уже отбили желание изучать иностранные языки. Было бы очень полезно начинать ассоциирование в одной и той же обстановке, с одних и тех же действий. Попробуйте завести какие-нибудь **ненавязчивые** традиции. Вспомните, как в дореволюционной школе дети читали перед уроками молитву. Не надо отрицать их опыт. Тогда было не все так уж плохо.

Итак, мы придумали для иностранного слова структуру. Сделали ее необычной, динамичной, образной. Но при изучении, особенно в первое время, одного образного представления, как правило, недостаточно. Нас больше учили управлять своей речью, нежели образами. (Вспомните презрительное «Фантазеры!»). Поэтому через некоторое время, которое явно недостаточно для того, чтобы структура выполнила свою функцию и только после этого исчезла, образы начинают сливаться, стираться, загрязняться. Это происходит потому, что образ того или иного слова как правило не имеет какой-либо привязки. Слово может использоваться с различными оттенками, в различных контекстах. Оно испытывает влияние других слов и изменяет свой смысл в зависимости от окружения. Поэтому на первых порах слова лучше всего объединять в группы по 7—10 штук в каждой на основе одной **содержательной** картинке с концентрированным смыслом. В школьных учебниках мы тоже можем найти картинки. Но все они не имеют сконцентрированного смысла. Например, пионер стоит на фоне школы. Эта картинка не имеет определенного четко выраженного запоминающегося смысла. Поэтому она легко сливается с другими подобными ей. Лучше всего брать картинки из юмористических журналов (правда, в последнее время стало очень трудно выбирать непохожие друг на друга карикатуры: они все пересекаются в одном слове «перестройка»). Если под картинкой есть слова (речь участников или название), то их необходимо обязательно оставлять с картинкой, чтобы сохранить **единый** смысл и значение.

Вырезанную картинку лучше всего наклеить на перфокарту или в тетрадь. Рядом с ней написать триады слов (иностранное — сходное

по звучанию — перевод). Образы и структура легко запоминаются, поэтому фиксировать их письменно не следует. Изображения, при условии, что они имеют четкий неординарный смысл, сразу же проникают в большинстве случаев в долговременную память. Благодаря этому спустя даже несколько лет мы можем мысленно осматривать ее (сканировать) со всеми деталями и вспоминать те 7—10 слов, которые мы выучили с ее помощью. Такая блочная система запоминания позволяет избежать «плавания» слов по разным контекстам. Кроме этого блок слов, содержащихся на картинке, представляет собой одну единицу информации. Следовательно, за один присест (за один урок) можно без ущерба для памяти усваивать от 2 до 26 картинок (но, как правило, у занятого человека времени хватает только на 3—5 в день), в результате чего мы в 7—10 раз уплотняем информацию, т. е. в 7—10 раз увеличиваем естественные возможности нашей памяти! В дальнейшем, когда будет изучен базис иностранного языка, слова можно изучать прямо по словарю. Открываете первую страницу, берете слово, образуете структуру, делаете пометку карандашом (записываете слово, сходное по звучанию; это необходимо для подстраховки, т. к. на кратковременную память надежда маленькая) и слово остается у вас в голове до конца жизни. Однако, при таком способе плотность информации падает и вы сможете за один урок запомнить не более 25 слов. Но этот недостаток можно компенсировать увеличением числа уроков, которые должны следовать друг за другом с перерывом не менее 10—15 минут.

Изучение языка с помощью картинок выгодно отличается еще и тем, что вы можете не тратить время на повторение, поскольку это можно делать в дороге на работу или домой, в очереди, в автобусе и т. д. Достаточно только вспомнить картинку и «выбрать» из нее все слова со структурами. Согласитесь, что это абсолютно невозможно, если слова у вас оформлены списком. Вы будете усиленно морщить лоб и вспоминать, какое слово должны были запомнить, но ни за что не сделаете это, пока не заглянете в список. Выход один — учить с помощью картинок!

Изучая первые 3—4 тысячи слов, вы вынуждены будете повторять их несколько раз для того, чтобы закрепить в долговременной памяти и освободиться от выполнявшей свою функцию структуры. На пятой

тысяче, как правило, возникает особое ощущение — уверенность в своей памяти, и слово с помощью этого метода начинает запоминаться с первого предъявления. Но не отчаивайтесь, если этого не произойдет на шестой или десятой тысяче, это не связано с интеллектуальными способностями. На первых порах повторение лучше организовать следующим образом:

Первый раз — через 10—20 минут (но вполне допустимо и через 2—3 часа и даже 12 часов) после мысленного создания структур; при этом смотреть надо либо на русский перевод, либо на иностранное слово и воспроизводить всю структуру даже в том случае, если вам кажется, что вы уже можете обойтись без нее; в дальнейшем первое повторение можно опустить и переходить сразу ко второму через 24 часа.

Второй раз — на следующий день через 24—30 часов; если удалось воспроизвести не все структуры, созданные вами или учителем, то их повторяют еще раз на следующий день; при повторении лучше смотреть только на картинку, отыскивая на ней необходимые слова.

Если не удалось вспомнить и повторить все структуры и на третий раз, их надо отложить до окончательного повторений всех структур данной порции слов, которое проводится через 1—6 месяцев (оптимально 2—3 месяца). Не надо пугаться такого срока. Вы сможете вспомнить слова и через 1—2 года, даже если ни разу не встречались с ними в этот период. Это одно из существенных достоинств метода: изучая язык, мы можем не бояться, что он окончательно забудется от долгого неупотребления.

Последнее повторение является основным и решающим. Вся ваша грандиозная работа будет выполнена зря, если вы не сделаете этого последнего шага. В большинстве случаев через 1—6 месяцев учащиеся очень смутно помнят структуры, если не сталкивались с соответствующими им словами в этот период. Это происходит из-за интерференции структур, из-за естественных процессов забывания, обостренных несоблюдением описанной технологии даже в мелочах (динамичность, нелогичность, образность, периоды отдыха и запоминания, настройки и т.д.). Поэтому последнее повторение лучше разбить на две части: первый день — вспоминаем по своим записям

структуры; на второй день — повторяем их, глядя только на картинки (а если по словарю — то смотрим только на перевод или иностранное слово). Если при последнем повторении вы сразу же вспомнили перевод слова, то восстанавливать всю структуру не надо. Она выполнила свою функцию и отмерла. В целом у вас должно возникнуть новое для вас ощущение, когда из глубины вашего сознания, даже помимо вашей воли, в ответ на слово родного языка будет «всплывать» его перевод. Это сопровождается чувством легкой растерянности, замешательства, неуверенности. Но после того, как вы убедитесь, что «всплывает» только нужное слово, а не случайное, это пройдет.

Если между изучением языка (для этого достаточно 7—8 тысяч слов) и его активным использованием прошло достаточно много времени (от 1 года до 3—4 лет), то слова снова могут забыться. Но это забывание в корне отлично от забывания при механическом (школьном) запоминании, когда слова стираются без следа. В нашем случае слова исчезают из памяти не совсем, а как бы переходят в подсознание («консервируются»), из которого мы можем очень быстро их извлечь, заглянув в записи. Для такого повторения на каждую тысячу слов без особого напряжения затрачивается около дня (включая перерывы). Согласитесь, что навряд ли есть другая методика, позволяющая восстанавливать знания с такой скоростью.

В среднем на начальном этапе на все операции по запоминанию одного слова, включая все повторения, создание структуры, поиск эквивалентов, записи в словаре или тетради и т. д. тратиться 2—3 минуты. В дальнейшем (особенно при изучении второго языка) время сократится до 30—60 секунд. Если у вас есть учитель, хорошо знающий иностранный язык и этот метод, то скорость легко возрастает до 100 слов в час (все цифры проверены экспериментально). Оптимальный состав группы с учителем — 10—12 человек.

Если у вас возникает недоверие к этим цифрам, то, прежде чем отбросить методику в сторону, проведите эксперимент: выучите таким образом 10—20 слов и сделайте окончательные выводы не ранее чем через месяц.

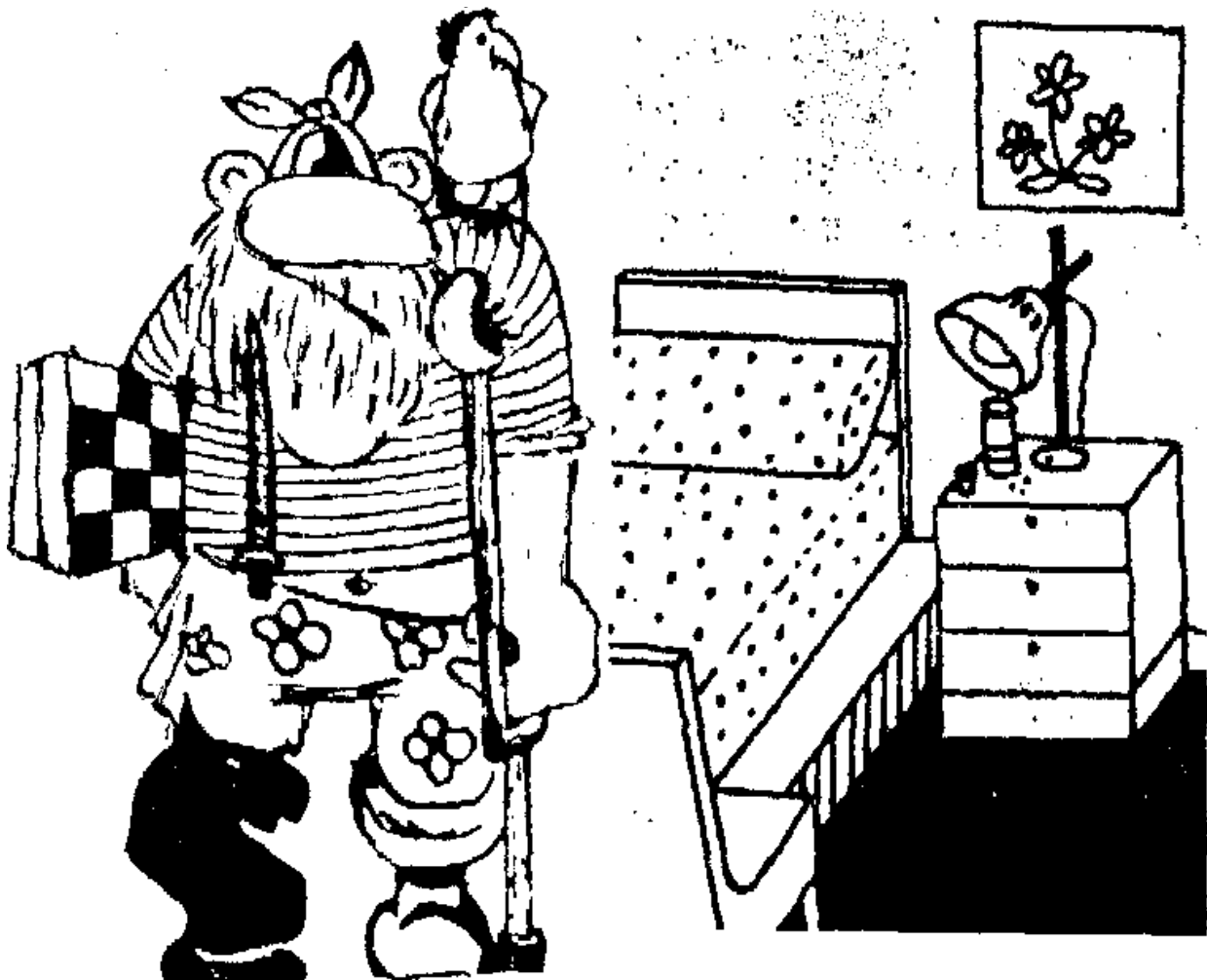
ГЛАВА V.

Здесь мы приведем примеры и особенности технологии, обнаруженные на практике.

Итак, перед вами встала задача номер один — подыскать первые картинки. На этой странице вы видите две из них.

Картинка с интерьером показывает нам самый неподходящий вариант. Она бессюжетна, несодержательна, не имеет четкого сконцентрированного смысла, ни один из объектов, изображенных на ней, не акцентирован, не выделен художником. Если вы навьрезаете с десяток таких сюжетов, то полное забвение выученных слов в течение ближайшего месяца вам гарантировано.

Следующая картинка — образец того, к чему следует стремиться. Она надолго задержится в вашей памяти. Давайте с ее помощью попробуем выучить три слова на двух языках: английском и немецком.

Английский язык

chess — (чесать) — шахматы
beard — (берданка) — борода
nose — (носок) — нос

Немецкий язык

Schach — (шахтер) — шахматы
Bart — (бард) — борода
Riecher — (рехнуться) — нос

1.Chess. Представьте себе **шахматные** фигурки размером с блоху, которые быстро бегают по вашему телу. Естественно, что вы начинаете **чесаться**. Представить эту ситуацию надо как можно детальнее (на первых порах лучше закрывать глаза; если вы занимаетесь со школьниками, то рекомендуется давать им команду: «Закройте глаза и представьте, что...»).

Обратите внимание. Образованная структура носит динамичный характер и не совпадает с нашим предшествующим опытом. На первый взгляд, можно было бы придумать такую структуру: вы берете шахматную фигуру и чешите ею место, например, укуса. Но эта ситуация совершенно не противоречит нашему опыту. Поэтому при наличии еще нескольких десятков аналогичных структур она сотрется.

2. Beard. Представьте себе ружье системы Бердана, у которого вместо приклада развеивается на ветру (а не просто торчит!) черная-черная густая борода.

3. Nose. Очень часто встречаются слова, которые сходны по своему звучанию с переводом. Не надо надеяться, что такое совпадение позволит вам эффективно запомнить. В большинстве случаев факт сходного звучания выветривается из головы и вы остаетесь без подсказки. Нужно обязательно подобрать промежуточное слово. В нашем случае — «носок». Представьте себе у кого-то из ваших знакомых вместо носа вдруг начал расти грязный неприятно пахнущий носок. В 99 случаев из 100 вы наверняка запомните такую структуру.

(Для немецкого языка попробуйте придумать структуры самостоятельно).

Надо стремиться, чтобы каждый объект, используемый в структуре, получал как можно больше эпитетов, красочных характеристик. Это лишний раз сделает структуру отличной от других. Это также позволяет избежать эффекта «лошадиной фамилии». Дело в том, что мы понимаем значение вещи через обобщение, сведение к более общему. Например, что такое пиджак? Можно сказать, что это рукава, карманы, лацканы и т. д. Но такое понимание будет похоже на ощупывание слона слепыми, то есть будет фрагментарным и далеким от истины. Поэтому в нашем мышлении пиджак сводится к нескольким классам: к классу мужского туалета, к классу легкой одежды, к классу деловой одежды и т. п., то есть понятие пиджака обещается. Это приводит к тому, что слово, не обладающее яркими характеристиками, может быть неосознанно замечено более широким классом, наш мозг помимо нашей воли проведет операцию обобщения. Многие учащиеся, недостаточно проработав образ,

отлично помнят, что, например, вместо носа растет какой-то вид одежды, но совершенно не могут вспомнить какой именно. Это приводит нас к выводу, что в структуре надо использовать не первое попавшееся слово (имеется в виду слово, сходное по звучанию), а то, которое вы хорошо представляете, которым часто пользуетесь, оттенки которого знаете. К сожалению, этим свойством обладают в основном лишь конкретные существительные (причем далеко не все) и некоторая часть глаголов (например, чесать, кусать, рисовать и др.). Абстрактные существительные, прилагательные, наречия и т. д. не имеют в большинстве случаев образного представления. На первых этапах это вызывает затруднения, которые зачастую приводят к разочарованию в методике. Избежать этого можно, если творчески использовать приемы, описанные ниже (на примере английского языка).

1. Как включить в структуру абстрактное существительное, например слово «авантюра» (gamble)?

Проблема заключается в том, что оно у большинства учащихся не вызывает конкретных образов. В качестве промежуточного слова (сходного по звучанию) используем слово «Гамлет» (совпадают первые 3 и последние 2 буквы). В слове «авантюра» выделяем первые 4 буквы «аван», прибавляем «с». Получается «аванс». Это слово уже имеет вполне определенный образ: очередь около кассы, шелест денег (недавно напечатанных), голос бухгалтера: «Распишитесь вот здесь» и проч. Поэтому наша память вполне справится с такой простой задачей, как составление и запоминание структуры из двух слов «Гамлет» и «аванс». Она, наверняка, у вас уже возникла. Представьте себе Гамлета, который получил аванс в количестве 70 советских рублей за то, что прочитал на сцене свой монолог «Быть или не быть...».

Когда нам предъявят слово gamble, наша память автоматически свяжет его с «Гамлетом», а его, в свою очередь, с «авансом», что и приведет нас к «авантюре». Не надо бояться этой кажущейся громоздкости. Вы не знаете свой мозг. Он способен быстро научиться и более сложным операциям.

Таким образом, прием заключается в переходе от абстрактного слова к конкретному на фонетической основе.

2. Еще один способ перейти к конкретному слову от абстрактного — попытаться заменить в нем одну—две буквы.

Например, *swindle* — афера. Мы прекрасно знаем, что такое афера, но представить себе ее конкретный образ сложно. Давайте заменим первую букву «а» на «с». Получится «сфера». *Swindle* напоминает «свинью» (совпадает 4 буквы, этого вполне достаточно). Представьте себе, как в кормушку свинье накладывают маленькие стеклянные сферы, которые она «трескает» с большим аппетитом. Слово *swindle* можно было также заменить словом «виндсерфинг». Попробуйте самостоятельно составить структуры из этого слова и «сферы».

3. Если описанные приемы не помогли, то можно мысленно составить сюжетную картинку, не совпадающую с нашим опытом. Например: *disgrace* — безобразиие.

Disgrace напоминает объединение сразу двух слов: «диск» и «грация». Чтобы эти два слова не распались в нашей памяти, представьте себе патефон, на котором быстро вращается черный диск. По диску в сторону обратную вращению бежит запыхавшийся Леонтьев и задыхаясь кричит: «Сеньорита Грация!».

Конкретного образа «безобразия», скорее всего, у вас нет (хотя в качестве его может выступать весь окружающий мир). Представьте себе такую картинку: большая рыжая морковка с длинной ботвой говорит стоящей перед ней и потупившей взор маленькой морковке с подрезанной по последней моде ботвой: «Безобразиие!». Проиграйте мысленно несколько раз эту сцену. Поставьте себя на место той или другой, и слово «безобразиие» у вас прочно будет ассоциироваться со словом «морковь».

А теперь представьте, что Леонтьев не просто бежит по диску, а еще перепрыгивает через барьеры, образованные большими морковками.

Нам снова хочется попросить вас не впадать в отчаяние от «непролазной глупости», которую вы, может быть, здесь усматриваете. Несмотря на всю несерьезность этот метод работает. Кроме этого изучение языка самостоятельно или в классе превращается в занимательный процесс. В классе или студенческой группе обычно

стоит несмолкаемый смех, что уже само по себе способствует запоминанию.

4. В английском (и других) языках часто встречаются глаголы с постглагольными частицами. Ограниченное небольшое количество этих частиц образует огромное количество значений одного и того же глагола. Это приводит к однообразию и путанице в голове.

Чтобы избежать этого, за каждой частичкой закрепляют похожее по звучанию конкретное слово.

Например:

out — **паут**

up — **капкан**

to — **топор**

Представим, что нам надо запомнить глагол bring up — воспитывать. Bring напоминает «бригантину». Все глаголы, если это возможно, переводятся в соответствующее существительное. «Воспитывать» превратится в «воспитатель», который имеет, наверное, у всех конкретный образ. Это человек со строгим лицом, который всем угрожает пальцем.

Теперь построим структуру. Представьте себе отплывающую от причала бригантину, у которой вместо белоснежного паруса висит огромный капкан. Между зубьями капкана из последних сил, стиснув челюсти, как атлант, стоит воспитатель. Он продолжает вам грозить пальцем.

5. Аналогично в существительные переводятся прилагательные и наречия. Если это не удастся сделать, то можно попытаться использовать стереотипные фразы.

Например: convincing — убедительный.

Convincing напоминает два слова: «конь» и «вино». Чтобы слова не распались, соединим их в структуре. Представьте себе коня, у которого вместо ушей торчат бутылки с вином, и он шевелит ими, когда на них садятся мухи.

«Убедительный» жестко включено в словосочетание «убедительный пример». Теперь представьте, как конь стоит у школьной доски, решает пример и чешет копытом за ухом-бутылкой.

б. В предыдущем примере одновременно был использован еще один пример — игра слов. Пример может пониматься двояко — как поведение и как математическая задача. Используйте игру как можно чаще. Для этого можно использовать толковый словарь, в котором указываются все возможные значения слов в различных контекстах.

Однако, существует еще один вариант игры слов, который не фиксируется в толковых словарях.

Например: *tire* — наскучить.

Слово *tire* напоминает «тире». Глагол «наскучить» можно понимать не только в общепринятом смысле, но и как «собирать что-то в кучу», «нагромождать кучей» и т. д. Поэтому его можно легко перевести в существительное «куча», которое имеет образ. Представьте, как вы собираете с поля разбросанные тире (коротенькие палочки, которые выпали из строк книги, когда вы брали ее неаккуратно с полки) и складываете или заматываете их в кучу.

Мы описали вам лишь небольшую часть приемов. Когда вы самостоятельно начнете изучать язык, то сможете легко расширить их список, выбрать наиболее эффективные на ваш взгляд.

В заключение нам бы хотелось остановиться на факторе времени. При больших объемах запоминаемой информации существенной становится каждая сэкономленная секунда.

Выиграть значительные объемы времени можно, если отбросить излишние повторения. Помните, что повторение слов, начатое сразу же после их запоминания (через 30—60 секунд) приводит к ухудшению запоминания и к излишним затратам времени.

Экономить время можно также на этапе создания структуры. Некоторые учащиеся не могут сосредоточиться, настроить себя и по десятку минут думают над поиском подходящего слова и связи. Это сильно тормозит творческий процесс, стирает перед этим выученные слова, поскольку прерывается неосознаваемый цикл кратковременной памяти. Урок — это спринтерская дистанция, ее нельзя бежать с перерывами и тяжелыми раздумьями. Попробуйте для начала придумывать структуры в ситуации соревнования: кто из двух или более человек, взявшихся изучать вместе с вами язык, придумает таких структур больше за одно и то же время. Надо всеми силами избегать простоев. Если у вас все же возникло непреодолимое

затруднение, то лучше пропустить слово и вернуться к нему чуть позже (через один—два дня). Как правило, в этом случае нужные слова находятся сразу. Перед началом занятий полезно настроиться с помощью нескольких фраз: «У меня мало времени. Я хочу думать очень быстро. Поиск нужных слов и ассоциаций не будет вызывать у меня затруднений». Еще один вариант настройки заключается в том, что вас ждет в соседней комнате человек, которого вы задерживаете. Но поговорить с ним вы сможете только после того как выучите запланированный урок. Попробуйте так сделать и вы увидите, что эта надуманная ситуация действительно заставляет вас работать более напряженно. Также полезно хронометрировать свои умственные действия. Следите, чтобы на одно слово из 20 в списке приходилось в среднем не более 3 минут, включая все виды повторения. Стремитесь постоянно сжимать это время. Если вы учитель, то заставить учеников, то есть другого человека, работать быстро гораздо труднее нежели себя. В этом случае полезно перед уроком заставить будущих полиглотов выполнять какую-либо быструю работу, например быстро-быстро приседать (но это может утомить) или быстро копировать действия учителя, физически не тяжелые. Для этого очень полезен тренажер, состоящий из 10 лампочек, которые учитель зажигает в произвольном порядке в быстром темпе. Задача учеников успеть дотронуться до загоревшейся лампочки. Быстрые движения, не вызывающие утомления, приводят весь наш организм на физиологическом и психическом уровне в такое состояние, когда все операции начинают производиться с повышенной скоростью. Активизировать деятельность в процессе настройки можно с помощью другого упражнения, непосредственно работающего на запоминание слов. Учащиеся становятся в ситуацию соревнования: их просят как можно быстрее (кто быстрее) назвать перевод предлагаемого учителем слова. Однако это упражнение не приводит к физической активности.

Еще одним эффективным способом экономии времени является одновременное изучение всех синонимов данного слова в иностранном языке.

Например: вербовать — recruit, enlist

Превратим «вербовать» в слово «верба».

Recruit напоминает «рекреация», enlist — «веник, лист».

Представьте себе, что вход в рекреацию завален ветвями вербы. Вы берете веник, сделанный из листов бумаги, машете им, и ветки вербы разлетаются.

Количество синонимов, естественно, может значительно превышать число «два». Чем больше синонимов иностранного языка вы включаете в одну структуру, тем выше плотность информации, больше объем предоставляемой памяти, больше вероятность, что ни одно из них не забудется, выше скорость запоминания.

На этом мы заканчиваем изложение методики. Хотим еще раз подчеркнуть, что мы не стремимся приписать себе авторство этого метода. Вы, наверняка, слышали и читали о нем. Единственное, в чем, мы видим свою заслугу — это подробное изложение технологии и попытка убедить вас, что вполне возможно выучить язык за несколько месяцев даже при полном отсутствии соответствующих способностей.

Мы желаем вам успешной учебы!

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

О чем вы должны помнить при изучении иностранного языка структурным методом

1. Помните, что хорошо запоминается только динамическая структура.

2. Основные объекты в структуре должны находиться в связи, не совпадающей с вашим прошлым опытом.

3. Основные объекты структуры, а также связь между ними, должны иметь красочный богатый образ в отличие от других, побочных объектов этой структуры.

4. Помните, что возможности нашей памяти ограничены: за один раз (один урок) можно выучить не более 20—25 слов, а при уплотнении информации не более 100 слов. Количество уроков в день ограничено необходимыми периодами отдыха нашей памяти.

5. Уплотняйте информацию: используйте картинки и блоки синонимов.

6. Переводите абстрактные существительные, глаголы, наречия и прилагательные в конкретные образы.

7. Не забывайте, что 50% успеха заключается в умении настроить себя.

8. Помните, что нельзя загружать голову никакими мыслями сразу же по окончании изучения слов.

9. Применяйте рациональную систему повторений. Экономьте время.

10. Не бросайтесь с места в галоп: начните с 5 слов в день.

11. Не теряйте свои записи, они пригодятся вам.

12. Используйте структурный метод вместе с классическими способами запоминания, это позволит выявить вам для себя его достоинства и недостатки.

13. Помните, функция метода — расширить возможности вашей памяти, а не создать у вас устойчивое желание изучать иностранный язык. Желание — это ваша проблема.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Это приложение позволит вам получить более наглядное представление о методе. Здесь содержится два десятка слов на английском и немецком языках, «приготовленных» для запоминания. К сожалению, мы не можем составить такое приложение для всех слов того или иного языка, т. к. каждый человек обладает своими собственными ассоциациями, обусловленными его биографией, условиями жизни, знаниями и т. д.

На первом месте стоит иностранное слово, на втором в скобках — слово, сходное по звучанию, на третьем — перевод. Далее идет описание ассоциативной структуры.

Английский язык

1. hand (кандалы) — рука. Представляем, как у каторжан ноги вместо кандалных цепей крепко стянуты тяжелыми железными цепкими **руками**. Каторжане идут по дороге, а вокруг стоит кандалный звон.

2. finger (фингал) — палец. Представляем, как на подушечке большого пальца вдруг появился глаз с большим синяком под ним.

3. knock (нога) — стучать. Ваш сосед сверху решил «настучать» на вас, Поскольку анонимные письма сейчас не рассматриваются, он решил стучать ногами ночью. Это очень эффективный метод борьбы с неугодными соседями.

4. assert (сердце) — утверждать. Превратим русский перевод в сходное по звучанию словосочетание «утварь ждатель». Огромная толпа ждет у дверей мебельного магазина, когда начнут продавать дефицитную утварь. С другой стороны от дверей толпа бессердечных продавцов ждет, когда народ устанет и разоидется.

5. attain (атака, стена) — достигать. Превращаем русский перевод в сходное по звучанию словосочетание «тост икать». Изрядно выпивший тамада пытается говорить тост, но на каждом слове икает. В это время рядом с ним раздвигается стена и из пролома его атакуют активисты общества борьбы за трезвость.

6. confine (конфета) — ограничивать. Чтобы ребенок не бегал по комнате, его усаживают на пол и ограничивают со всех сторон кругом, выложенным из конфет. Надо полагать, что за пределы этой границы он выберется нескоро.

7. access (актер, сессия) — доступ. Русский перевод — это нота «до» и «ступа» — летательный аппарат для бабы Яги, которая полетела сдавать сессию на актерский факультет в театральный институт. Вы спросите, причем здесь «до». Это марка ступы. (Аналогично марке вертолета «Ми»).

8. promote (промотать) — поддерживать. Поддерживая все решения партии, мы промотали все состояние государства. Эта ассоциация построена не по правилам. Но, тем не менее, она запомнится не только вам, но и многим последующим поколениям.

9. distort (дизельный торт) — исказить. Вы купили торт и откусили кусочек. У вас исказилось лицо, потому что вместо сливочного торт оказался пропитанным дизельным маслом.

10. claim (реклама) — требовать. В ненавязчивой рекламе своего кандидата группа депутатов требовала его единогласного избрания на пост...

11. blame (пламя) — ругать. Когда вас ругает ваш начальник, у него изо рта вылетает пламя.

12. pill (пила) — таблетка. Вам необходимо принимать только половину таблетки в день. Вы берете пилу и отпиливаете эту половину.

13. rain (рана) — дождь. На улице идет такой сильный дождь, что на теле прохожих остаются раны от его ударов.

Немецкий язык

1. Prüfung (профессор) — экзамен. Старый профессор сдает экзамен студенту.

2. angeln (ангел) — удить рыбу. Ваш поплавок начал дергаться. Вы потянули за леску и вытянули на крючке ангела с мокрыми крыльями.

3. raten (орать) — советовать. В соответствии с советской наукой управления начальники дают всем свои советы в той манере, которая определяется словом орать.

4. ledig (лед) — холостой. Дуэлянты, чтобы не сесть за решетку за убийство, зарядили свои пистолеты холостыми патронами. Патрон представляет из себя кусочек льда. В момент полета она тает.

5. wählen (валенок) — выбирать. На избирательном участке вместо избирательной урны стоит большой валенок, который в конце дня опечатывают, чтобы кто-нибудь случайно не надел его на ногу.

6. Not (ковш) — двор. У А. Розенбаума в одной из песен есть слова «старый колодец неевского двора», которые говорят о том, что дома стоят так близко друг к другу, что образуют колодец. Но нам кажется, что автор преувеличил. Наши дворы больше чем на ковш не тянут.

7. Krawatte (кровать) — галстук. Вместо ножек у кровати мужские галстуки.

8. Schuh (шухер) — ботинок. Два старых ботинка решили совершить кражу. Один из них встал на углу, увидел полицейского и закричал: «Шухер!!!».

9. Ware (варежка) — товар. В магазинах стало так мало товаров, что **их** начали хранить не в складах, а в варежках.

10. Spiegel (шпик) — зеркало. Вы приходите домой и вдруг замечаете, что за вами кто-то следит. Оглядываетесь и видите в

зеркале шпики. Потом оказывается, что это вы. Просто мы все так привыкли следить за своим поведением, что превратились в собственных шпики.

11. vorbereiten (берет) — готовить. Вы стучите на кухне посудой и готовите ужин. На одной из кастрюль лежит очень оригинальная крышка. Это берет (вполне возможно, что зеленый).

12. sauer (Изаура) — кислый. Душещипательные приключения рабыни Изауры, в течение многих дней мучили советских зрителей как кислый лимон музыканта-трубача.

13. müde (мед) — усталый. Почему мед так медленно стекает по стенкам банки? Потому что он устал.